

Мила
Бачурова

Страна

ЦВЕТУЩЕГО
ШИПОВНИКА

16+

Annotation

Преуспевающая бизнес-леди и бродяга, недавно вышедший из тюрьмы. Между ними не может быть ничего общего, но двенадцать лет назад, в юности, они любили друг друга. Годы превратили пылкого юношу и нежную девушку в хладнокровных, расчетливых мужчину и женщину. У каждого своя цель, и на пути к ней они ни перед чем не остановятся. Что значит для них, теперешних, детская привязанность? Ничего. Или все-таки что-то значит?.. "Неправда, что любовь проходит с годами. Что не выдерживает испытания временем – это чушь, придуманная слабаками для слабаков. Любовь губим мы сами. Душим ее собственными руками, жертвуем во имя того, что принято называть уверенностью в завтрашнем дне. Взрослея, мы не замечаем, как происходит подмена понятий. Не можем определить, в какой момент смелость начинает казаться безрассудством, решительность – безответственностью, а собственная трусость – благородным желанием защитить близких..."

(с)

Мила Бачурова

Страна цветущего шиповника

Этот парень начал таращиться на Тину еще на пляже. В джинсах, рубашке с длинным рукавом – в такую-то жару, – в надвинутой по самые глаза бейсболке с изображением Бэтмена, он лежал под зонтиком, делая вид, что читает.

Тина снисходительно улыбнулась. Она знала, что красива. Сине-зеленые, унаследованные от матери, глаза, густые волосы пшеничного цвета, точеный носик и полные, чувственные губы. В сочетании со стройной изящной фигурой, за которой после рождения дочери Тина следила особенно тщательно, производимый ее появлением эффект был предсказуем.

В юности, когда Тина только начинала собственный бизнес, мужская реакция на ее внешность раздражала – в те времена многие предпочитали видеть в ней всего лишь хорошенькую куклу, категорически не желая ставить на один уровень с собой... Что ж, Тина позаботилась о том, чтобы те, кто не сумел вовремя сориентироваться, серьезно об этом пожалели. То, что жемчужная улыбка белокурой красавицы окажется акульей хваткой, для многих стало фактом, осознанным слишком поздно. В день, когда красавица, все так же улыбаясь, безжалостно обанкротила их компании.

Это было давно. Сейчас на рынке, где в свое время развернула бизнес Тина, пожалуй, не осталось людей, которые не слышали бы о сеньоре Гордон. Красота Тины, привитые с детства манеры и любезная улыбка давно никого не обманывали. И партнеры, и конкуренты отлично знали, какой жесткой умеет быть сеньора, и даже комплименты старались делать подчеркнуто-уважительно.

Посторонним людям – не знающим, кто она такая – Тина обычно позволяла себя разглядывать, снисходительно делая вид, что ничего не замечает. Это было даже приятно – знать, что ею любят просто как красивой женщиной, а не прикидывают, с чего бы начать разговор, имеющий целью получение выгоды.

Попытки перейти от разглядывания к знакомству Тина умела пресекать на корню, а осторожное любование издали ее забавляло. Но парень в бейсболке вел себя необычно – он и приблизиться к Тине не пытался, и глаз не отводил. Темные очки из-под опущенного на лоб козырька бейсболки не отрывались от Тины, казалось, ни на секунду. Того гляди дырку прожжет, и как только не надоело?... Тине не хотелось сознаваться в том, что взгляд парня странно тревожит. Что отмахнуться от незнакомца: «подумаешь, озабоченный!» и тут же о нем забыть не получается.

Тина пыталась отвлечься купанием, чтением в смартфоне биржевых новостей и проверкой почты, в надежде, что, когда в следующий раз незаметно глянет в сторону незнакомца, его не увидит... Как бы не так! Парень, казалось, врос в шезлонг. Никаких других дел на пляже, кроме как пялиться на Тину, у него, похоже, не было.

Тина не уходила из чистого упрямства, твердо решив, что поддаваться на провокации какого-то маньяка не будет и обозначенное самой себе для купания и загорания время вылежит. Собираться начала, как обычно, ровно в одиннадцать тридцать, когда проиграл

знакомую мелодию смартфон.

Уходя, Тина с облегчением заметила, что попыток встать с шезлонга незнакомец не сделал, только проводил ее все тем же пристальным взглядом. Но, едва успев устроиться в кафе и подняв глаза от меню, увидела за дальним столиком опостылевшую бейсболку. Теперь, вместо шезлонга, парень врос в стилизованное под старину деревянное кресло кафе.

– Определились с заказом, сеньорита?

– Кофе по-гречески, пожалуйста, – сквозь зубы проговорила Тина. Нет, ну это уже ни в какие ворота!

– И все? – удивилась официантка. Тина не в первый раз приходила сюда на ланч, и обычно одним только кофе не ограничивалась.

– Все, спасибо. – Есть расхотелось.

Крошечную чашечку Тина выпила в два глотка. Запила водой. В очередной раз полистала в смартфоне новости, косясь на дальний столик.

«Бэтмен» не уходил. К принесенному официанткой стакану с кока-колой не притронулся. Казалось, он переместился в кафе по воздуху – за столом сидел так же неподвижно, как на пляже, и все так же держал перед собой журнал, Тина была готова поклясться, что открыт он все на той же странице. Лицо незнакомца за бейсболкой, очками и журналом она, как ни силилась, разглядеть не могла, и теперь это начало нервировать уже всерьез. Подшучивания над собой в духе «если у вас паранойя, это еще не значит, что за вами не следят» не помогали.

«В отель надо идти, – решила Тина, – уж туда он за мной точно не потащится. А вечером, если снова его увижу, безопасникам позвоню. Окажется, что просто озабоченный – ладно, а если его конкуренты подсунули? Как говаривала Роберта, береженого бог бережет».

Тина встала, оправила сарафан и надела шляпу. Проходя мимо зеркала над барной стойкой, бросила в него взгляд – дежурный, не сомневалась, что отлично выглядит. И, не удержавшись, отправила «маньяку» издевательский привет: игриво качнула бедрами.

Из номера Тина позвонила Роджеру. Доложила, что искупалась, позагорала, сбежала с пляжа от жары, скучает, целует. Отложила телефон и скорчила кислую мину. Разговоры с Роджером неизменно нагоняли скуку.

Как хорошо, что он не настаивает на совместной жизни! Вариант «ты ко мне или я к тебе?» устраивал обоих четвертый год.

Роджер, несомненно, полезен для бизнеса. И любовник неплохой. Но видеть этого человека своим мужем и отцом для пятилетней дочери Тине не хотелось. Роджер по-своему хорош, но это не ее мужчина. А размениваться по мелочам, уподобляясь матери, она не станет.

В душе Тина стояла долго – смывала морскую соль, крем для загара. Воспоминание о незнакомце растворилось в потоках воды, освежающий душ неизменно настраивал Тину на деловой лад. Она прикидывала в уме, какие нужно будет отправить распоряжения в офис перед тем, как лечь вздремнуть «на сиесту», с юности привыкла считать такой сон лучшим видом отдыха.

Посчитать доход от недавно запущенной рекламной акции – есть сомнения в том, что она работает, а своему чутью Тина привыкла доверять.

Подтвердить согласие об участии в благотворительном обеде – непременно лично, старая подруга Молли будет рыдать от счастья.

Взглянуть, наконец, на предложения дизайнерских компаний по оформлению стенда для предстоящей выставки...

Тина выключила воду, вытерла и просушила полотенцем волосы. Завернулась в халат с логотипом отеля на кармашке. Напевая, вышла из ванной. И застыла.

На кровати, откинувшись спиной на белоснежные подушки, полулежал он. В тех же темных очках и с тем же журналом в руках. На полу валялись сброшенные сандалии, на тумбочку парень аккуратно пристроил бейсболку. А рукава рубашки, до сих пор застегнутые наглухо, закатал. На левом запястье Тина увидела татуировку – пантеру, приготовившуюся к прыжку.

Вопль: «Что вы здесь делаете?!» у Тины не вырвался, застрял в горле. Она закашлялась.

– Водички? – с издевательским участием предложил парень. Голос у него не изменился, остался тем же, что и девять лет назад. – Держи.

Он нащупал на прикроватной тумбочке пластиковую бутылку с водой, бросил Тине. Она машинально поймала.

Парень снял очки. Положил на тумбочку, рядом с бейсболкой.

– Что, так сильно изменился?

– Похудел, – выдавила Тина.

Ноги не держали, пришлось присесть на край кровати. Пальцы вцепились в крышку бутылки, пытаясь открутить. Покрытые бледно-розовым лаком ногти скрипнули по пластику. Крышка не поддавалась.

Парень отложил журнал.

– Дай сюда. – Забрал у Тины бутылку, одним движением свернул крышку. – На.

Их руки встретились.

– Ты тоже изменилась, – удерживая пальцы Тины, проговорил парень, – еще красивее стала.

Он поставил бутылку на тумбочку. Подался к Тине. По-хозяйски распахнул и сбросил с плеч халат. Серые глаза, разглядывающее ее тело, знакомо потемнели. Одной рукой парень стиснул ее грудь, другую положил на затылок, привлекая к себе. Тина не сопротивлялась.

«Наконец-то», – отстучало в мозгу, когда их губы встретились.

Мелькнуло воспоминание: освещенный вечерними огнями курортный город у подножия скалы. Тепло прогретых за день камней, аромат дикого шиповника. Руки Ника, сцепленные на коленях. Его объятия, его поцелуй.

«Ник... Как же долго я тебя ждала. Наконец-то...»

– Думаю, нет нужды говорить, что между нами все кончено.

Вряд ли подчеркнуто-строгий, всем своим видом призванный изображать деловитость, монитор на столе Роджера был предназначен для того, чтобы демонстрировать хоум-видео.

Женщина на экране стонала и извивалась. Кричала от удовольствия, придавленная к кровати сильным, поджарым телом. Глаза зажмурены, лицо перекошено. Слов не разобрать. Только стоны – навстречу.

– Да... Да... Да-а-а!!!

Низкий, гортанный крик.

– Со мной ты никогда так не кричала, – задумчиво глядя на экран – слепленный из кусков видеоролик крутился уже добрых десять минут, позы на экране сменяли одна другую, – обронил Роджер. – А уж на минет уломать – наизнанку надо было вывернуться... Притворялась со мной? Скажи честно, притворялась?

– Какая разница.

Тина отвела со лба волосы.

– Все кончено – о'кей, все кончено. Для чего ты меня позвал? Сообщить о расставании можно было по телефону.

– И эту красоту тоже отправить по сети? – Роджер кивнул на монитор. – Порадовать хакеров, а вместе с ними – завсегдатаев порносайтов? Владелица одной из крупнейших в стране компаний отсасывает у уголовника? Вот уж лакомый кусок для журналюг... На какой помойке ты подобрала это ничтожество? – Спину и плечи замершего на стоп-кадре мужчины покрывали татуировки – набитые явно не в тату-салоне.

– Не твое дело. – Тина поднялась. – Все? Я могу идти?

– Нет, не все! – Роджер тоже вскочил. – Вместе с этой дрянью прислали письмо. Вот, полюбуйся. – Он щелкнул мышью.

«Веселые картинки стоят 400 000 евро, – прочитала Тина. – Наличными. Не получу с тебя – получу с твоих конкурентов. Вечером позвоню. Не скучай, Ти».

Тина зажмурилась.

Вот оно. Вернулось. То, что казалось похороненным и забытым.

«Я не прощаю долги», – сказал он ей когда-то. Очень, очень давно.

– Я не прощаю долги.

Они сидели в кафе, недалеко от офиса Роджера. Почему-то Тина выбрала тот же столик, который обычно выбирали с Роджером – странная, ненужная и ей самой непонятная месть.

– Да. Я помню. – Тина размешивала сахар в кофейной чашке. На собеседника старалась не смотреть. Внушала себе, что ей противно встречаться с глазами с Ником. – После того, как я заплачу... Пообещай, что оставишь меня в покое.

– Обещаю, что оставлю, – легко отозвался он.

Тина подняла глаза. Для того, чтобы встретиться со взглядом Ника – откровенно издевательским.

– Врешь.

Он рассмеялся:

– А зачем спрашиваешь?

– Для чего тебе деньги?

– Хочу уехать далеко-далеко и жениться на прекрасной девушке.

– Похвально.

– О, да. Если я так и сделаю, а не в первый же день просажу бабло в рулетку, будет очень похвально.

– Боже мой. Ты еще и на рулетку подсел?

– Пока нет, но планирую. Не поверишь, сколько планов накопилось – за девять-то лет. – Ник подался вперед. – Так что? Когда деньги ждать?

– Через неделю.

– Нет. Завтра. – Он поднялся. Взял Тину за руку.

Тина отпрянула, дернула на себя руку.

Ник удержал. Ухмыльнулся:

– Ох, какие мы нервные. Трахают плохо?

– Отпусти!

Он, не обращая внимания на вопль, перевернул Тинино запястье, посмотрел на изящные золотые часики.

– Восемнадцать сорок семь. Тринадцать минут, так и быть, накину, для ровного счета. Завтра в девятнадцать ноль-ноль жду наличные.

– Зачем они тебе? – вырвалось у Тины.

– Затем, что хочу отобрать их у тебя. – Ник смотрел холодно. – Все, что ты устроила – ведь это было из-за денег, да? Так вот: я их отберу. Девять лет жизни, затоптанных в дерьмо, баблом не отбить, но хоть удовольствие получу. Буду представлять, как ты скрипишь зубами от злости, жрать тридцатилетний виски и радоваться... Чао, крошка.

Ник наклонился и быстро поцеловал Тину в губы – она не успела отшатнуться. Подхватил со стола темные очки и пошел к двери.

Тина провожала его взглядом – все ту же, что и девять лет назад, прямую спину под выгоревшей футболкой. Все те же разлохмаченные над задниками сандалий джинсы, ту же нарочито ленивую, кажущуюся медлительной походку – и чувствовала, что к глазам подступают слезы.

Сейчас, в эти несколько мгновений, показалось, что она смотрит на прежнего Ника. Того, кто любил ее когда-то больше жизни. Того единственного, кого любила она. Сейчас то, что произошло в отеле, казалось дурным сном, наваждением – а три дня назад Тина не сомневалась, что к ней вернулся прежний Ник. Пришел потому, что соскучился. Потому, что любит – как будто и не было этих девяти лет. Не было того кошмара, что встал между ними...

Они почти не разговаривали.

Тина не знала, с чего начать – это она-то, выше всех своих навыков ценившая умение находить правильные слова! – и Ник тоже молчал. На неловкие вопросы Тины улыбался и закрывал ей рот поцелуями.

Потом она заснула в его объятиях, а когда проснулась, Ника рядом не было. Только скучала на тумбочке бейсболка с изображением Бэтмена.

«Забыл, – подумала Тина, в тот момент не сомневавшаяся, что Ник вышел ненадолго и скоро вернется. Взяла бейсболку, покрутила в руках. И с удивлением заметила над козырьком широкую прорезь. – Странно. Зачем тут дыра?»

Понимание, зачем, пришло сегодня: под бейсболкой Ник, пробравшись к Тине в номер, спрятал камеру. А «забыл» дурацкую кепку не просто так – уже тогда хотел ужалить побольнее. Думал, вероятно, что Тина обо всем догадается.

Она не догадалась. Вечер, ночь и следующие двое суток ждала, что Ник вернется. А

дождалась истеричного звонка от Роджера: «Немедленно приезжай!»

Тина знала, что Ник умеет быть жестоким. Но не думала, что настолько.

Народу в хостеле оказалось немного, соседняя кровать в комнате Тины пустовала.

– Возможно, кого-то еще подселим, – предупредила полная мулатка на ресепшене, отдавая ключи.

Тина равнодушно пожала плечами. Подселят – значит, подселят. В номере она все равно собирается только спать.

Тина быстро приняла душ и переоделась. Полюбоваться собой перед выходом из хостела не удалось – небольшое зеркало висело на уровне ее глаз. Великанов сюда заселяют, что ли?.. Ну ничего, она и так уверена, что отлично выглядит. Она не может плохо выглядеть. Сегодня – первый день ее свободы, а будет их целых три! Три дня, чтобы покорить Милан, для отчима Тина все еще сдает экзамены.

– Свобода, – сказала Тина. Подошла к окну, распахнула его и крикнула: – Свобода! Этого показалось мало.

Она устала быть серьезной девушкой. Ей всего восемнадцать, в конце-то концов! И не так уж часто за этот, кажущийся бесконечным, учебный год позволяла себе расслабиться.

Тина вышла в коридор и, разбежавшись, сделала сальто. Выпрямилась, подобрала с пола сумку. Пожилой уборщик-китаец, выкативший в коридор тележку с чистящими средствами, восхищенно показал большой палец.

– Свобода! – похвасталась Тина. И, отправив старику воздушный поцелуй, побежала на улицу.

Она бродила по городу до самой ночи. Без цели, просто так – оказалось вдруг, что это ни с чем не сравнимое удовольствие.

Сидела на скамейке, разглядывая прохожих, заходила в старинные соборы, в кафе, в лавки, торгующие всякой ерундой. Позволила негру-зазывале привязать себе на запястье разноцветный шнурок «на удачу». Долго приплясывала под музыку уличного оркестра – троих парней с гитарами, в гавайских рубашках, и двух девчонок с маракасами, в ожерельях из цветов. Купила у ребят марихуаны и с ними же раскурила, убравшись подальше от центральных улиц.

В кампусе к бурным студенческим вечеринкам с алкоголем и травкой Тина присоединялась редко – не любила утреннюю разбитость, и занятия старалась не пропускать, напоминая себе, сколько стоит ее обучение и как важно не потерять государственную дотацию за хорошую успеваемость. А сейчас, когда учеба наконец-то закончилась, когда в кои веки не висят над душой утренние лекции и несданные работы...

«Будешь?» – подмигнула Тине девчонка с маракасами.

Да конечно, буду! Я свободна, как штормовой ветер! Я всё буду.

Музыканты приняли Тину за англичанку, та не стала разубеждать. В конце концов, не так уж новые знакомые и ошибались.

Дедушка и бабушка Тины со стороны матери, сэр Джозеф и леди Барбара, были англичанами. Виллу на средиземноморском побережье они, как многие их соотечественники, приобрели в свое время для того, чтобы отдохнуть и вывезить «на море» маленькую дочь Маргариту. А под старость, отойдя от дел – в Лондоне сэр Джозеф владел адвокатской конторой – окончательно перебрались на побережье.

Итальянским Тина владела не хуже, чем английским, в ее окружении с раннего детства присутствовали оба языка, но притворяться непонимающей было весело.

Тину приглашали продолжить знакомство дальше – парень по имени Марко призывно ей улыбался – но Тина отказалась. Парней на свете много, а у нее осталось всего два дня вожделенной свободы. На прощанье Тине вручили яркую листовку с рекламой байкерского шоу.

– Это наши знакомые. Приходи, будет круто!

– Приду, – пообещала Тина – уверенная, что никуда не пойдет.

Но на следующий день, случайно обнаружив в сумке листовку, взглянув на адрес проведения шоу и сверившись с путеводителем, поняла, что находится недалеко. Так, почему бы и нет?

Байкерское шоу оказалось не просто зрелищем, здесь проводили что-то вроде соревнований. Мотоциклисты из разных команд прыгали с трамплина – то вместе, то по одиночке, – и выдвигали в воздухе такое, что у Тины замирало сердце. Она быстро разобралась, что команд две: парни в красных шлемах с оскаленной волчьей пастью, и в желтых, с черной пантерой, приготовившейся к прыжку. Тина никак не могла решить, за кого болеет, за волков или за пантер, и от души аплодировала всем подряд.

Телефонный трезвон в сумке услышала после того, как отчим набрал ее в четвертый раз.

«Где ты? – прочитала Тина пришедшее в промежутке между звонками сообщение. – Почему не отвечаешь?»

– Потому что смотрю байкерское шоу! В Милане, – злорадно сообщила телефону Тина.

И начала пробираться к выходу – разговаривать здесь, под рев мотоциклов и шум толпы, было невозможно. Кроме того, необходимо было притвориться пайнкой: сделать вид, что она в общежитии колледжа, а телефон не услышала потому, что спала.

– Ч-черт! – Телефон затрезвонил снова. Если уж мистер Эндрю Кларк вспоминал про падчерицу, делал он это весьма настойчиво.

Тина заозиралась, выискивая место, где можно было бы поговорить с отчимом в тишине.

Поодаль заметила растянутые на траве белые шатры. Рядом с ними суетились какие-то люди, но шум туда, кажется, не долетал... Тина решительно направилась к шатрам.

– Дальше нельзя, сеньорита. – Мужчина в форме охранника заступил ей дорогу. Кивком головы указал на переносное ограждение и табличку: “Staff Only”.

- Но мне очень нужно. – Тина умильно улыbnулась. – Я всего на минуту! Пожалуйста.
- Нельзя, сеньорита. – Мужчина покачал головой. – Правила придумал не я.
- Спокойно, приятель. Леди со мной.

Тина оглянулась – парень подошел сзади. Длинноволосый, как все на этом шоу, но хотя бы без бороды. В повязанной вокруг головы бандане, грязных джинсах и футболке с надписью “Staff”. Рука в перчатке с обрезанными пальцами хлопнула охранника по плечу. Тина заметил, что пальцы у парня тоже грязные.

– Зарываешься, Ник, – бросил охранник. Но, тем не менее, отступил в сторону.

– Пойдем. – Парень отцепил от столбика трос-ограждение, кивнул Тине, приглашая следовать за собой. – Кого надо?

– Что? – не поняла Тина.

– Ну, зачем ты сюда пробралась? С Густавом сфоткаться? Или с Лео? Или с кем?

– Ни с кем. Мне просто нужно позвонить и поговорить в тишине.

Парень, кажется, не поверил. Посмотрел на Тину удивленно. Однако подошел к одному из шатров, откинул полог и махнул рукой – заходи.

Шатер, судя по всему, использовался участниками шоу в качестве раздевалки. На полу валялись одежда, обувь, мотоциклетные шлемы, распотрошенные рюкзаки и спортивные сумки.

У дальней стены пристроился за раскладным столиком еще один длиноволосый парень, он увлеченно щелкал клавишами ноутбука. На вошедших не оглянулся.

– Звони, – почему-то ухмыляясь, предложил Тине неожиданный спаситель.

– Спасибо.

Тина не успела набрать номер – отчим позвонил сам. Парень прислушивался к их разговору с нескрываемым интересом. Бормотать:

– Да-да, Эндрю, все хорошо... Я просто вздремнула... Дома, да... Последний экзамен завтра, международное право. Ох, ну конечно, я нервничаю! Ужасно волнуюсь... – Тине было крайне неловко.

– Цеппер, мазерфак! Где ты шляешься? – В шатер заглянуло недовольное бородатое лицо. – У Фреда колесо завияло, а тебя не дозваться!

– Бегу. – Спаситель, повернувшись к Тине, развел руками – мол, что поделать, подмигнул ей и выскочил из шатра.

– Кто это там? – встревожился в трубке отчим. – С кем ты, Ти?

– Ни с кем, просто выглянула в коридор. Соседи шумят.

– Ох, бедняжка! Ну, ничего. Остался всего один день, и ты будешь дома.

Тине всегда было интересно, догадывается ли Эндрю, какую кислую мину она корчит при упоминании о «доме». Она и при жизни матери не любила бывать на вилле, жизнь сонного средиземноморского городка казалась невыносимо скучной.

Когда Тина вышла из шатра, никого, кроме охранника, в отдалении не увидела. Парень по имени Ник, со странным прозвищем Цеппер, куда-то исчез. А через полчаса шоу закончилось.

Тина снова до темноты бродила по городу. Гавайский оркестр не встретила – их место занял старик в тирольской шляпе, с аккордеоном и укрепленными над плечом тарелками. Траву пришлось покупать у негра-зазывалы.

В хостел Тина приползла, едва волоча ноги – второй день прогулок давал о себе знать. А на парковке хостела увидела мотоцикл. На баке была изображена пантера, приготовившаяся к прыжку.

Ничего удивительного, сказала себе Тина. Наверняка не все байкеры – местные. Приехали из других городов, а жилье подбирают каждый по своему кошельку.

Чтобы срезать дорогу до корпуса, она пошла через внутренний дворик. Еще вчера заметила там беседку, но вчера в беседке было пусто.

Сейчас, пересекая дворик, Тина остановилась. Двор освещали фонарики на солнечных батареях – дешево и сердито. Светили они тускло, но Тина разглядела внутри беседки стол, а на столе – мотоциклетный шлем. Потом увидела развалившегося на стуле, закинувшего ноги на соседний стул, парня. Он, будто старой знакомой, отсалютовал Тине пивной бутылкой:

– Хай.

– Что ты здесь делаешь? – по-дурацки вырвалось у нее.

– Живу, – последовал очевидный ответ. – Как и ты, полагаю. Пиво будешь? Угощаю.

– Давай, – подумав, согласилась Тина.

После травки с гавайским оркестром, в дальнем углу какого-то парка, пиво во дворе хостела с почти знакомым парнем показалось детской шалостью. Она села за стол.

Парень нырнул рукой в пакет из супермаркета, выдернул оттуда бутылку. Взял со стола зажигалку, ковырнул крышку. Протянул вспенившуюся бутылку Тине:

– Держи.

– Спасибо. – Тина отхлебнула. Пиво было теплым.

– Нагрелось, – будто извиняясь, объяснил парень. – А в холодильник тащить лень.

– Давно ты тут?

Часов у парня на руке не наблюдалось. Вместо них он посмотрел на стоящие на полу пустые бутылки.

– Не очень... С час, наверное.

– Ты участвуешь в шоу?

– Пытаюсь, но до шоу пока не дорос. В обслуге торчу. По части гайки крутить мне точно равных нет. – Парень улыбнулся. – Ребята дальше покатались, а мне остаться пришлось. Мать звонила, попросила срочно приехать... А ты чего здесь?

– Я – проездом, – соврала Тина, – путешествую автостопом. Завтра еще один день здесь, а потом – во Флоренцию.

– Бывал. Прикольно. Как тебя звать?

– Тина. А тебя? Хотя, я помню. Ник.

– Ага. – Он сказал это не сразу. А потом вдруг произнес что-то на незнакомом языке.

– Что? – удивилась Тина.

– Да решил проверить, вдруг мы с тобой земляки. Ну, нет так нет.

Его акцент Тина заметила и раньше.

– Так ты эмигрант? А откуда?

– Из бывшего Союза. Но мы давно переехали, я совсем малой был. Показалось почему-то, что ты из наших.

– Это я поняла. А что ты сказал?

Ник ухмыльнулся, отхлебнул пива.

– Что у тебя классные сиськи.

– Врешь! – возмутилась Тина.

– Чего это? Я про сиськи никогда не вру.

– Врешь, что ты это сказал! Ты со всеми так знакомишься?

– Не, – ощерился Ник, – только с девчонками. И только с теми, у кого правда сиськи классные.

Тина невольно одернула майку. Своей фигурой она гордилась, и парни к ней нередко прикипали взглядами. Но, чтобы так откровенно... Удивительный нахал.

– И как? – Лицо у Тины пылало, но говорить она старалась небрежно. – По морде часто давали?

– Веришь – ни разу. – Ник, оставив бутылку, подался через стол к ней. То, что глаза у него черные и насмешливые, Тина разглядела еще днем. – А вот, чтобы просто давали – такое случалось.

– Не мой случай, – фыркнула Тина.

– Как знать, как знать. – Ник снова откинулся назад, забросив ноги на соседний стул. Он с удовольствием разглядывал Тину. Так, что в голове пронеслось: вырез у майки, пожалуй, слишком глубокий. А джинсовые шорты – слишком короткие.

Приличия требовали оскорбиться и уйти. Тина поставила на стол недопитую бутылку, и, всем своим видом изображая негодование, пошла в сторону корпуса.

– Передумаешь – заходи, – прилетело ей вслед. – Первый этаж, двенадцатая комната... Кажется.

Тине не спалось. Ни прихваченный в дорогу любовный роман, ни наушники с тихой музыкой не помогали. Она долго ворочалась в кровати, пытаясь поудобнее пристроить под головой тощую хостельную подушку.

В конце концов, не выдержала – выглянула из коридора во дворик.

Окна выходили прямо на беседку. Ник, оказывается, даром времени не терял, успел обрести компанию: вместе с ним за столом сидели две девицы. Одна – с наполовину выбритой головой, другая – в спутанных дредах. От беседки тянуло марихуаной.

Девица в дредах заливисто расхохоталась, откинулась назад. Ей на плечи уверенно легла рука в перчатке с обрезанными пальцами. Девица не возражала.

– Вот шлюха! – вырвалось у Тины. Она сердито захлопнула окно.

И Ник этот хорош! Так вот запросто, с первой встречной... Правильно сделала, что ушла.

Недовольно ворча, Тина вернулась в комнату. Снова улеглась.

Вскоре поймала себя на попытках угадать, что будет происходить в беседке дальше, и сердито выругалась. Вытащила из чемодана взятый в университетской библиотеке сборник статей по международному праву, постаралась сосредоточиться на чтении.

Сработало: на второй странице заснула.

На вокзале Тину встретил шофер отчима – немолодой, благообразный Андреас. Он предупредительно перехватил у нее чемодан – ах, сеньорита стала настоящей красавицей, вся в покойную сеньору! – и распахнул перед Тиной дверь автомобиля.

– Здравствуйте, барышня! Ох, похудели-то как, господи прости! Совсем вас в ваших Неаполях не кормят?.. Мария!.. Мари-ия! Барышня приехала!

Радужные объятия пожилой, дородной горничной Роберты пахли детством: корицей и розовым маслом. Объятия Тину едва не задушили, она, смеясь, отстранилась.

– Я тоже рада тебя видеть, Роберта.

– Бегу! – на зов горничной спешила из дома кухарка Мария, на ходу отряхивая руки от муки. Приезд «барышни» в дремотной, размеренной жизни «Шиповника» считался выдающимся событием.

– Здравствуй, дорогая.

Отчим привычно взял Тину за руки, привычно-сдержанно коснулся сухими губами ее щеки. Чуть отступил, разглядывая падчерицу.

– Чудесно выглядишь! Как добралась?

Сам мистер Кларк с годами не менялся, оставаясь безупречным джентльменом: подтянутым, импозантным, в благородных сединах и тонких очках.

– Хорошо. Спасибо, Эндрю. – Роль пай-девочки Тина освоила еще при жизни матери. Она оправила платье – подчеркнуто скромное, такая простота стоила отчиму немалых денег. – Правда, устала немного. Жарко.

– О, да! Жара сегодня небывалая, даже для здешних мест... Ну, ничего. Отдохнешь, искупаешься. К вечеру будешь как новенькая.

Эндрю – Тина привыкла называть его так – улыбнулся падчерице. Тот, кто мог бы сейчас фотографировать его для постера «отец года», сердечностью улыбки остался бы доволен.

– Ники, – окликнул отчим. – Будь любезен, проводи барышню в гостевой домик.

Тина узнала «Ники», появившегося откуда-то из глубины сада, только по татуировке – приготовившейся к прыжку пантере. И закашлялась, подавив изумленный возглас.

Аккуратно подстриженный, одетый в легкие брюки и рубашку-поло парень напоминал позавчерашнего байкера чуть менее, чем никак.

Ник тоже не выдал, что они знакомы. Невозмутимо взялся за ручку Тинино чемодана.

– Конечно. Идемте, сеньорита.

– Ну, привет... Ники, – через несколько шагов, сквозь зубы процедила Тина. – А здесь ты как оказался? Тоже живешь?

– Не поверишь, – ухмыльнулся он.

Едва удалившись от Эндрю и прочих обитателей «Шиповника» на безопасное расстояние, Ник стал прежним – расслабленно-нахальным. Ни его дурацкие брюки, ни наглаженная рубашка сейчас никого бы не обманули.

– И давно?

– С детства. Мать у Кларка кухаркой работает. Да ты меня сто раз видела, когда приезжала – только не помнишь, походу. Я ведь тебя тоже не узнал.

Ники... Что-то такое действительно вспомнилось. Угрюмый темноволосый мальчишка на велосипеде.

«Не трожь мой велик!»

«Я не знала, что он твой...»

«А чей? Кларка, что ли? А ну, отвали!»

«Ники! Что ты делаешь? Не смей обижать барышню! Вам нравится его велосипед, сеньорита? Так смотрите на здоровье, он больше не будет... Не будет, я сказала! А ну, пошел отсюда. На вот, скатерть отнеси в прачечную.»

«Да я только что туда бегал!»

«Ничего, не развалишься. Иди! Хотите абрикосов, барышня?.. Абрикосы у нас в этом году – ух, хороши...»

– Да. Теперь и я тебя вспомнила. Ты – сын Марии.

– Угу. А ты – падчерица Кларка. Хотел бы я сказать, что рад знакомству.

– А что? Не рад?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я терпеть не могу Кларка, – останавливаясь и серьезно глядя на Тину, объяснил Ник. – И все, что с ним связано, тоже.

– Чем же он тебе так досаждаёт, интересно? – прищурилась Тина. – Работать заставляет?

– К Роберте ревнует.

– Врешь!

Ник ухмыльнулся.

– Это значит, что ответ «не твоё дело» тебя больше устроит?

Тина пренебрежительно фыркнула.

– А не боишься, что я расскажу? Эндрю, о твоих чувствах?

– Да говори на здоровье. Ничего нового он не услышит. – Ник отступил с дорожки, пропуская Тину вперед. Заметил: – А ты, кстати, сзади не хуже, чем спереди. Только платье убогое.

– Пф! Знал бы ты, сколько оно стоит.

– Догадываюсь. И всё равно – убогое... Так, ну мы пришли. – Ник распахнул дверь гостевого домика. – Заходи.

Пропустив Тину вперед, закатил чемодан в комнату. Поставил его в угол, поднял жалюзи на окнах. И застыл у двери, картинно сложив руки за спиной:

– Добро пожаловать, сеньорита.

– А ты здесь, типа, работаешь?

– Типа того. – Ник прислонился к дверному косяку, сложил руки на груди.

– Кем?

– Мальчиком на побегушках. Я тут вырос, вообще-то. Еще старую хозяйку помню.

– Маму? Или бабушку?

– Обеих.

– А как же ты в Милане оказался?

– Сбежал, как только социальную карту получил. Давно уже. Сейчас просто мать позвонила, разнылась – приезжай, мол. Старая стала, с хозяйством не справляюсь. А Кларк к приезду сеньориты готовится, будет ее совершеннолетие праздновать... Я аж присел. Думал почему-то, что тебе лет тринадцать.

– Мне восемнадцать, – гордо сообщила Тина, – неделю назад исполнилось.

– Знаю, мать все уши прожужжала... Я, кстати, всю ночь ждал, что ты придешь.

Тина фыркнула.

– Ага, я так и подумала! И с кем переспал, пока дожидался – с дредами или с лысой? –

Она брякнула это и тут же осеклась.

Ник ухмыльнулся:

– То есть, ты все-таки возвращалась?

– Ничего подобного! Просто не спалось. Встала, окно открыть – а оно прямо на беседку выходит.

– Ну да, ну да... С обеими.

– Что?

– Ну, ты спросила, с кем переспал. Отвечаю: с обеими.

– Врешь!

Ник пожал плечами:

– Не хочешь – не верь. А девочки попались – огонь, чуть на поезд не опоздал... Ладно, я потопал. Если что, вон кнопка. – Он кивком показал. – Позвонишь, придет Роберта. Хотя тут, вроде, все готово, Кларк самолично комнату осматривал. – Ник подмигнул. – А если понадобится такое, чего у Роберты не попросить – свисти. Так и быть, со скидкой организую.

Тина поджала губы:

– Не понимаю, о чем ты.

Ник ухмыльнулся.

– Тогда бери мороженое и топай на пляж, раз такая непонятливая. Изображай невинность дальше. Не стори только, а то потом к тебе два дня не притронуться будет.

– Можно подумать, тебе кто-то позволит притрагиваться!

– Да куда уж мне. Не за себя беспокоюсь, за жениха твоего.

– А ты его видел? – вырвалось у Тины.

– В этом году – нет. Да я и за ворота не выходил, дел полно.

– А вообще?

– Вообще, видал.

– И?

Ник поднес руку к горлу, изображая приступ тошноты. Подумав, уточнил:

– Хотя, я без понятия – с кем таким, как ты, жениться положено. Тебе, может, и понравится.

– Наверняка, – мстительно пообещала Тина.

Ник кивнул:

– Ну, еще бы – единственный сын у папаша-банкира... Ладно, пляжные полотенца в шкафу. Чао, крошка.

Помимо «Шиповника», деду и бабушке Тины принадлежал кусок морского берега, обозначенный табличкой «частное владение».

Тина искупалась, полежала в шезлонге под зонтиком. Назло Нику съела захваченное из холодильника мороженое. Долго косилась в сторону соседнего пляжа – городского.

Там было людно. Плескались на мелководье дети, сновали между лежаками официанты из ближайшего кафе. Отдыхающие читали книги, разгадывали кроссворды, мазали друг друга кремом от загара и фотографировались в полосе приборя.

Тина тоже попыталась читать, но получалось плохо.

«Жениха твоего», – небрежно обронил Ник. То есть, все на вилле уже в курсе, что сеньор Кларк собирается познакомить падчерицу с «одним хорошим парнем», сыном «знакомого». И что это за знакомый – тоже, разумеется, знают.

Тина догадывалась, что финансовое положение Эндрю, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Зять, единственный сын владельца одного из уважаемых здесь банков, стал бы неплохим подспорьем.

– Разумеется, сейчас о замужестве речь не идет, – успокоил Тину в телефонном разговоре Эндрю. – Но ты ведь умная девочка. Ты понимаешь, что я забочусь прежде всего о тебе, и это знакомство – одно из вложений в будущее. Три года, до твоего двадцать первого дня рождения, пролетят очень быстро, поверь. И в этот день я хочу вручить тебе приличный капитал, а не те крохи, которые стараниями Маргариты остались от наследства ее родителей. И поддержка Альфреда Боровски мне бы очень пригодилась.

Маргаритой звали покойную мать Тины. В свое время Эндрю, женившись на ней и взявшись вести ее дела, тем самым помог женщине не разориться окончательно. Хотя «Шиповник» и неапольская квартира до сих пор оставались заложенными.

Маргарита была мечтательницей и обожала богемную жизнь. Она последовательно пыталась стать актрисой, моделью, режиссером, фотографом, владелицей художественной студии и арт-кафе, но в итоге осталась той, кем была – избалованной девочкой, в совершенстве освоившей единственное занятие: блистать красотой.

Отца Тина видела лишь однажды, любовники Маргариты сменяли один другого. Место жительства мать и дочь меняли еще чаще, и в пятом классе Тина перешла в шестую по счету школу – Маргарите не сиделось на месте.

В круизе по Карибам Маргарита познакомилась с Эндрю – недавно разведенным, по-английски сдержанным, рассудительным мужчиной. Эндрю научил Тину играть в бильярд и красиво нырять с бортика бассейна.

– Ты должна выйти замуж за Эндрю, – объявила матери десятилетняя Тина за день до окончания круиза.

Маргарита красиво приподняла красивую бровь и расхохоталась. Повзрослев, Тина догадалась, что мать уже тогда предпочитала алкоголю наркотики.

Свадьбу сыграли через три месяца – скромную, только самый близкий круг, всего

двенадцать человек. Вместо облюбованной Маргаритой «школы искусств» Тина, по рекомендации кого-то из знакомых Эндрю, поступила в интернат, который содержал один из ведущих университетов страны. В интернате Тине понравилось – прежде всего, тем, что наконец появилась уверенность: здесь она доучится до конца года, а не снова помчится за матерью неизвестно куда, бросив обретенных с таким трудом подруг и друзей.

А через четыре года Маргарита умерла.

– Сердечная недостаточность, – отводя глаза, сказал примчавшейся Тине Эндрю.

«Передоз», – расшифровала для себя его слова Тина.

Что ж, рано или поздно это должно было случиться. В последние месяцы, когда Тина приезжала домой на каникулы, мать была совсем невменяемой. Она почти ничего не ела, а из своей спальни в неапольской квартире выходила лишь для того, чтобы закатить очередную истерику.

В «Шиповнике» Тина не была с тех пор, как поступила в интернат. Лето, стараниями Эндрю, она проводила за границей, а год назад стала студенткой университета.

Три дня, проведенные в Милане, уже казались далекой сказкой. В «Шиповнике» ей свободы не дадут, это Тина хороша понимала. Здесь придется строить из себя воспитанную барышню, постоянно оглядываясь на «что подумают соседи» – сплошь близкие и дальние знакомые Эндрю.

– Не сомневаюсь, что, с твоим обаянием, ты легко вскружишь голову Брайану, – закончил месяц назад разговор отчим. – А заодно понравишься его родителям. Особенно матери, это важно. Ты меня понимаешь?

Тина вздохнула.

– Конечно, Эндрю. Все предельно ясно.

Она действительно понимала. И от понимания сводило скулы.

Тина успела полазить в сети, вдоволь налюбовавшись фотографиями «жениха» и его родителей – лысого пузатого отца и сухопарой, тонкогубой матери в жемчужном ожерелье. Судя по фотографиям, жемчуга эта сеньора не снимала с самого рождения.

Тина с тоской посмотрела на соседний пляж – там компания молодежи затеяла игру в мяч. После чьего-то неудачного удара мяч полетел в море, на провинившегося накиннулись хохочущие товарищи по команде. На песке образовалась веселая куча-мала из загорелых тел.

Тина завистливо вздохнула. Такие забавы – не для нее, увы. Ее ждет развлечение иного рода: вечером в гости к Эндрю – совершенно случайно, разумеется – зайдет «проведать старину Кларка» тот самый банкир. И получит приглашение на празднование дня рождения Тины. Пригласят банкира вместе со всем семейством, конечно.

Интересно, какой он, «жених»? По фотографиям – вроде ничего, даже симпатичный. Хоть и похож немного на каракатицу-мамашу.

Тина еще раз вздохнула и закрыла журнал.

Ладно, переживет. И сегодняшней вечер, и последующие два месяца. Она достаточно насмотрелась на сокурсниц, подрабатывающих официантками и по полгода копящих деньги на новый телефон. Для того чтобы жить, ни в чем себе не отказывая, ей нужны средства. И если ее очарование поможет их раздобыть – что ж, она готова стать самой очаровательной девушкой на побережье.

Тина с детства гордилась своей рассудительностью. Внешне – вылитая мать, она, сколько себя помнила, старалась думать, что характером пошла не в Маргариту.

«Моя внучка», – любил приговаривать, восхищаясь разумностью суждений маленькой

Тины, сэр Джозеф. И еще тогда, в детстве, Тина поклялась себе: такой, как Маргарита, не будет никогда. Ветреность и легкомыслие матери причиняли ей слишком много неудобств.

В шесть лет Тина научилась вызывать такси – адреса, в отличие от Маргариты, не путала. В восемь лет самостоятельно выбирала отели и заказывала билеты на самолет, а с десяти начала проверять гостиничные и ресторанные счета, с удивлением обнаружив в них немалое расхождение с действительностью. Знакомство Маргариты с Эндрю Тина сочла настоящим подарком судьбы: наконец нашелся тот, кто был готов взвалить на себя безалаберность матери.

Эндрю заботился о Тине в детстве, и продолжал хлопотать о ее судьбе сейчас, банкирский сын тому подтверждение. Эндрю – не Маргарита. У него все рассчитано на много ходов вперед, это умение отчима Тина всегда высоко ценила.

Подумаешь, лежит тут в одиночестве вместо того, чтобы присоединиться к молодежи на соседнем пляже. Подумаешь, предстоящий скучный вечер – весьма вероятно, что не единственный! Зато какая цель на горизонте. Ради сына миллионера можно и не так пострадать. А скука... Если включить мозги, то тоже решаемо.

Надо отыскать этого пройдоху Ника и попросить, чтобы приволок вина или травки. Тогда Тину будет приятно греть мысль о том, что рано или поздно вечер в компании банкирского семейства закончится, она вернется в гостевой домик – и уж там!..

Да, там все будет так, хочется ей, без оглядки на Эндрю и производимое на гостей впечатление. Сериал, бокал-другой вина, болтовня по телефону... В общем, найдет, чем заняться.

Повеселевшая Тина принялась сворачивать пляжное полотенце.

Дорожка к гостевому домику вела через сад. Ветви абрикосовых деревьев, в детстве казавшихся высоченными, смыкались над головой, даря тенистую прохладу.

Кустарник в саду Тина помнила аккуратно подстриженным, траву – тщательно выкошенной. Сейчас кусты и молодые деревца буйно разрослись, трава доставала до пояса. В относительном порядке садовник, если таковой в «Шиповнике» все еще имелся, содержал только газон и клумбы перед домом.

Утомленная подъемом с пляжа по бесконечным каменным ступенькам – они, казалось, вобрали в себя весь жар сегодняшнего дня – Тина остановилась передохнуть. И замерла. В глубине сада кто-то негромко, приглушенно застонал.

В первый момент Тина решила, что ей показалось. А услышав странный звук снова, сообразила, что стонут явно не от боли.

Ай да Эндрю, – мелькнуло в голове у Тины, – ай да джентльмен! И почему в саду, интересно?.. Чтобы в доме прислуга не спалила?

Тина на цыпочках, прячась за кустами, прокралась в глубину сада.

Пара устроилась на качелях – широком полосатом диване под навесом. Тина зажала ладонью рот, задавив изумленный возглас.

«Вот гад!» – чуть не вырвалось у нее.

На диване ласкал незнакомую девушку Ник. Рубашка-поло валялась рядом на траве. Ник расстегнул на незнакомке платье и целовал ее грудь. Глаза девушки были закрыты, она приглушенно стонала.

– Ни-ики... – донеслось до Тины. – Что ты де-елаешь...

Ответа этот риторический вопрос не предполагал.

Ник рывком поднял девушку и усадил к себе на колени – лицом к лицу. Рука с татуировкой-пантерой скользнула девушке под юбку. Снова жаркие объятия, поцелуи.

– Ни-ики... – Девушка застонала громче.

– Тс-с, – услышала Тина.

Рука с татуировкой потянула вниз кружевные трусики. Пара завозилась, устраиваясь поудобнее.

– Nikita! – от странного возгласа Ник, незнакомая девушка и Тина вздрогнули. Кричали со стороны дома. – Nikita! Ты gde? – Мария добавила еще несколько слов по-русски.

Тина поспешно опустила на корточки и постаралась слиться с кустами. В голове мелькнуло, что, наверное, именно так зарабатывают инфаркты. Девушка вспорхнула с колен Ника и замерла рядом с ним.

– Иду! – раздосадованно крикнул в глубину сада Ник. Испуганным он не выглядел, удивленным тоже. Поднялся. – Я ночью прискачу, о'кей? – Наклонился к девушке, поцеловал в губы. – Сразу, как освобожусь. Свекровь на работе сегодня?

– Нет. Но она крепко спит, ничего... По боковой лестнице поднимайся.

– Помню. – Ник улыбнулся.

– Nikita!

– Да иду, блин!

Ник подхватил с травы рубашку. Напяливал ее уже на ходу. Он прошел совсем рядом с

притаившейся в кустах Тиной.

Незнакомая девушка – судя по всему, из местных – встала, оправила платье и собрала в пучок растрепавшиеся волосы. После чего направилась в сторону, противоположную той, куда побежал Ник, мгновенно пропав среди деревьев.

Тина обалдело открыла рот. Она не сразу вспомнила про то, что в ограде есть задняя калитка. После ухода девушки подошла к качелям, рухнула на них и сидела до тех пор, пока не перестали дрожать ноги.

Ника Тина до ужина не встретила. И хорошо, что не встретила – вряд ли смогла бы с ним разговаривать, не обронив случайно что-нибудь едкое. А лысый, пузатый мистер Боровски оказался вполне сносным дядькой.

Тине он добродушно поулыбался, с грустью вздохнул о красоте ее покойной матери – мы были знакомы в молодости, вы очень похожи на Маргариту – и быстро переключился на обсуждение с Эндрю земельных налогов. Тина старательно делала заинтересованное лицо и улыбалась шуткам гостя. Не прошло и часа, как она превратилась в «прелестное дитя». Когда мистер Боровски отвернулся, раскуривая сигару, Эндрю показал Тине большой палец.

После ужина он вызвался проводить «старину Альфреда», Тина дошла с мужчинами до ворот. В очередной раз прощбетала, что будет счастлива снова увидеть мистера Боровски и познакомиться с его семьей. Дождалась, пока мужчины скроются в темноте, и лишь после этого позволила себе убрать с лица улыбку.

Вернулась в столовую. Коньяк, который пили отчим с гостем, и початую бутылку вина, которым угостили Тину – к своему бокалу она, как положено благовоспитанной барышне, едва притронулась – уже убрали. Впрочем, даже если бы выпивка осталась на столе, утащить бутылки Тина не рискнула бы. Она догадывалась, что одной из святых обязанностей прислуги является негласный пригляд за ней.

Знает ли Эндрю о том, что в компании друзей, если уж случается посетить вечеринку, падчерица ведет себя не как примерная девочка?.. Догадывается, наверное. Но неписанные правила «Шиповника» тверды, как окрестные скалы, здесь Тине до старости придется изображать благовоспитанность.

– Что, не успела? – сочувственно окликнули из-за спины.

В столовую вошел Ник, держа в руках вазу со срезанными в саду розами. Водрузил ее на стол, расправил скатерть, принялся придвигать стулья.

Тина сделала удивленное лицо:

– О чем ты?

– Да ни о чем. Просто так болтаю. – Закончив со стульями и проходя мимо Тины, Ник шепнул: – Вино – тридцать евро, виски – пятьдесят.

Тина постучала согнутым пальцем по лбу. Прошипела сквозь зубы:

– В ресторане дешевле!

– В ресторан ты не пойдешь, в магазин тоже. Думай быстрее, я скоро сваливаю.

«К девке, у которой свекровь крепко спит?» – сумела удержаться от язвительного вопроса Тина.

Ник, как ни противно было это сознавать, ее положение обрисовал верно. В местные магазины и лавочки ей хода нет – о любой покупке немедленно доложат Эндрю, – в ресторан тем более. На часах без пяти десять, выпалась она днем...

– О'кей, – выдавила Тина.

Ник кивнул:

– Пошли.

Выйдя из столовой, направился почему-то не в левое крыло дома, где обитала прислуга, а на улицу. Тронув Тину за руку, указал направление. Скоро девушка с удивлением поняла, что ее ведут к дровяному сараю.

Сарай называли дровяным по традиции – там хранили что угодно, только не дрова. В этом Тина убедилась, войдя внутрь вслед за Ником.

Язвительно осведомилась, обводя взглядом захламленное помещение:

– Алкогольный склад? А это – транспорт для доставки? – кивнула на стоящий у входа мотоцикл.

– Претензии к сервису отправляйте на наш электронный адрес, – ослабившись, предложил Ник. И направился к деревянной лестнице у дальней стены.

Скоро спустился с чердака, держа за горлышко квадратную бутылку. Он успел переодеться: рубашку-поло и брюки сменили драные джинсы и футболка, на руках появились знакомые перчатки. Голову Ник обвязал банданой и снова превратился в миланского раздолбая-байкера.

Бутылку он, спустившись, замотал в извлеченное откуда-то посудное полотенце.

– Чтобы не спалили, пока через двор идти будешь, – пояснил Тине. Протянул руку: – Ну?

– Что – «ну»?

– Бабло гони. – Ник кивнул на клатч в Тининой руке.

– У меня нет с собой денег. Завтра отдам.

– Не, подруга, – Ник покачал головой. – «Завтракать» с женихами будешь.

Тина фыркнула:

– Не веришь, что отдам?

– Я, крошка, пять лет в таких местах провел, какие тебе ни в одном сериале не показывали. Там от доверчивости быстро лечат... Бабки.

– Сказала же, нету с собой! Подожди здесь, принесу.

– Давай, ага! Приноси. Там как раз Роберта вышла, розы возле гостевого домика поливает. Она глазастая, мимо не проскочишь. Как думаешь, через сколько минут Кларк узнает, что барышня ночью в сарай лазила?

Тина поджала губы.

– Я отдам деньги завтра утром. Обещаю.

– Хм-м...

– Не валяй дурака! – Тина, не выдержав, притопнула ногой. – Ты прекрасно знаешь, что я отдам.

– Откуда это я знаю, интересно? Я тебя шесть лет не видел, а когда видел, ты бухло не

попрошайничала.

– Дурак. – Тина развернулась и пошла к выходу.

– Ладно, стой. – Ник ее догнал. Непонятно прищурившись, предложил: – Поцелуешь – отдам.

Тина расплылась в снисходительной улыбке. Парни, все-таки, удивительно предсказуемы.

– И денег не возьмешь?

Он ухмыльнулся:

– Возьму, а как же! Это, типа аванса будет.

– Тогда с меня тридцать евро, – объявила Тина, – если я аванс сейчас отдам.

– Сорок, – прищурился Ник.

– Тридцать пять.

– Ладно, по рукам. – Ник протянул Тине руку.

Она ее холодно проигнорировала. Шагнула к нему и быстро коснулась губами губ.

Движение было отработано еще в старших классах школы и носило кодовое название «крыло бабочки». После этого от парня следовало отпрянуть – ах! – и ужасно смутиться. При излишней настойчивости с его стороны, горько расплакаться. До сих пор прием работал без сбоев, и Тина искренне удивилась, когда Ник, вместо того чтобы тоже отшатнуться, придержал ее за плечо.

Усмехнулся:

– Все по классике, да? Ну что вы, я не такая?

– О чем ты?

– О том. – Ник продолжал ее удерживать. – Так не целуются. Так богатеньким дуракам голову морочат. А я – парень простой, со мной давай без фокусов.

Тина не успела отскочить – он прижал ее к себе. Крепко, Тине показалось, что она почувствовала все его тело, от затылка до пяток. И поцеловал. По-настоящему, а не «крылом бабочки».

Губы прижались к ее губам так уверенно, как будто ее губы только ему и предназначались. Как будто Ник не сомневался в том, что они раскроются навстречу.

– Что замерла? – Бесконечное время спустя Ник отодвинулся от Тины. – Понравилось?

А она только сейчас поняла, что, оказывается, отвечала. Не соображая, что происходит, кто стоит рядом с ней и зачем – отвечала.

– Отстань от меня! – Тина шарахнулась в сторону. – Не прикасайся!

– Да все, не трогаю.

Ник, ухмыляясь, поднял руки. Отступил.

Поставил бутылку на заваленный хламом верстак. Выкатил из сарая мотоцикл. Через минуту Тина услышала, как взревел за воротами двигатель.

Бутылку она спрятала в складках платья, порадовавшись про себя, что в этом сезоне снова вошли в моду широкие юбки. Мимо Роберты, поливающей розы, прошла, непринужденно улыбаясь.

У себя в домике разбавила виски колой из мини-бара. Включила на ноутбуке сериал, но уже к концу первой серии поняла, что засыпает. Разочарованно посмотрела на недопитый стакан. Столько труда – ради трех глотков! Да еще и деньги завтра отдавать, Ник наверняка запомнит...

Все-таки он удивительная сволочь, до сих пор Тине такие парни не встречались. Ну,

погоды, я тебе еще устрою!

За вынашиванием коварных планов: «Надо будет... А он тогда... А я ему... То-то взбесится!» Тина не заметила, как заснула.

Утром после завтрака она нашла Ника возле гаража, ковыряющимся во внутренностях газонокосилки. Тине нахал приветственно кивнул:

– Принесла? Молодец. Сунь в карман – вон, куртка валяется.

– Может, станцевать еще?! Сам уберешь.

Ник в ответ показал руки, испачканные машинным маслом. Ухмыльнулся:

– Вчера так понравилось, что даже измазаться не боишься?

– Козел, – прошипела Тина.

Сторожко оглянувшись, не видит ли кто, положила купюры на траву, придавила камешком. И двинулась прочь.

– Как бухло-то? – догнал ее насмешливый вопрос. – Нормально зашло?

Тина сделала вид, что не услышала.

Сегодня время тянулось еще медленнее, чем вчера. На пляже Тина поймала себя на мысли, что начинает ждать завтрашнего дня и визита «жениха» с родителями, хоть какое-то развлечение.

Она бродила по берегу, выискивая среди мелкой гальки ракушки, в детстве могла заниматься этим часами. Найденные ракушки обычно тащила матери, та лежала в шезлонге вот под этим самым зонтиком... Но мама никогда не бывала на пляже одна. Ее всегда окружала толпа народа – подружки, кавалеры, кавалеры подруг и подружки кавалеров.

В детстве Тине ужасно хотелось, чтобы все эти люди куда-нибудь исчезли, и мама стала ее. Только ее, и больше ничья! Но такое счастье выпадало редко, Маргарита не терпела пустоты вокруг себя. В обществе одной только Тины быстро начинала скучать.

А вот Эндрю – нет. Ему Тинино общество никогда не надоедало. Отчим с исключительно серьезным видом слушал Тинину болтовню, соглашался играть в пляжный теннис и петанк и терпеливо сносил рисование у себя на спине цветочков карандашами для грима. Это было в последнее лето перед поступлением в интернат, больше Тина в «Шиповнике» не появлялась.

Повзрослев, поняла, что Эндрю всеми силами старался оградить ее от матери, с каждым годом все больше терявшей человеческий облик. Эндрю тратил бешеные деньги на лечение, и иногда Маргариту удавалось привести в чувство. Каждый раз – месяца на три-четыре, потом все начиналось заново.

– Ты была душой, Маргарита, – сказала Тина и села на песок. Маргарита никогда не разрешала называть ее мамой. Только по имени. – Ты была ужасной душой. – Чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, Тина со злостью швырнула в море только что найденную ракушку. – Я никогда не буду такой! Клянусь.

– Чудесная погода, не правда ли? – вежливо окликнули откуда-то справа.

Тина резко обернулась.

Парень стоял неподалеку, шагах в пяти. За условным ограждением, выложенном на песке из крупных камней-голышей, рядом с табличкой «PRIVATE» – покуситься на святое не решился. Оставалось надеяться, что слова Тины заглушил прибой, и незнакомец ничего не слышал.

– Да, хороший денек. – Тина поспешно нацепила на лицо светскую улыбку. Вопросительно подняла брови.

– Меня зовут Брайан, – правильно понял невысказанный вопрос парень, – я сын Альфреда Боровски, мы с вами, можно сказать, косвенно знакомы.

Ах, вот оно что, – насмешливо подумала Тина. Не дотерпел до завтра, явился взглянуть на «невесту»... Ну что ж, она не против. Она в принципе не против знакомств с сыновьями миллионеров.

Тина почувствовала, что настроение у нее улучшается.

– Очень приятно. – Встала и постаралась поизящнее отряхнуть с ягодиц налипший песок. – Проходите, пожалуйста. Ограды, как видите, нет. – Любезно улыбнулась и протянула парню руку: – Тина.

– Брайан... Впрочем, я это уже говорил. – Парень осторожно коснулся Тининых пальцев.

– Хотите колы, Брайан? Правда, боюсь, она нагрелась... Может, попросить, чтобы принесли холодной? Минералки, может быть? – Тина мстительно подумала, как будет здорово, если на ее звонок явится не Роберта, а Ник, он иногда подменял горничную.

– Нет-нет, что вы! – Брайан всплеснул руками. – Не стоит беспокоиться, я ненадолго. Вы, наверное, знаете, что соседний пляж принадлежит моему отцу. Вот, заходил к управляющему, узнать, как дела – и увидел вас. – Он смущенно улыбнулся.

Тина, разглядывая парня, подумала, что на фотографиях он выглядел лучше – нормальное дело для фоток, выкладываемых в сеть. Ну, хоть не совсем крокодил.

Тонкогубый, у висков – россыпь мелких прыщиков, покатые плечи и слишком длинный нос. Зато красивые узкие кисти, аристократические пальцы, смущенный взгляд из-под густых ресниц – вот, для чего парню такие ресницы?! – и аромат «Кензо» последней коллекции.

– Очень рада, что зашли, – ободрила Тина. – Честно говоря, тут ужасно скучно.

– Догадываюсь. – Брайан сочувственно кивнул. – Такая красавица наверняка привыкла к более интересному обществу, чем мистер Кларк и прислуга... Вы ведь учитесь?

– Ага, учусь. Ох, да присядьте же! А то я как-то странно себя чувствую.

Брайан неловко присел на краешек шезлонга.

Тина умела «включать обаяние», освоила это искусство еще в детстве. Если возникала необходимость расположить человека к себе, проделывала это легко и непринужденно, удивляясь, что другие не пользуются таким простым приемом. Ведь, казалось бы, чего проще – перевести разговор на рассказ человека о том, что для него важно. Восхищенно ахнуть, многозначительно покивать, сочувственно улыбнуться... И все, рассказчик твой навеки, со всеми потрохами.

Людам мешает то, что они не умеют слушать друг друга. Рассказывать любят все, а желающие слушать находятся крайне редко – возможно, потому и ценятся так высоко. А уж если ахи, улыбки и кивки производятся красивой девушкой, шансов устоять у собеседника-мужчины немного.

Брайан в очередной раз подтвердил теорию Тины, через десять минут разболтался так, что не заткнешь. Дальше – в этом Тина убеждалась неоднократно – достаточно было всего лишь время от времени «угукать». Брайан, к счастью, оказался неплохим собеседником, слушая его, Тина не скучала.

Вызванная звонком Роберта – до чего ж досадно, что не Ник! – принесла колы со льдом. Брайан рассказывал забавные истории из студенческой жизни, а когда затихал, Тина делилась своими. Через полчаса они хохотали как давние знакомые.

– Я очень рад, что все-таки набрался смелости и зашел. – Брайан улыбнулся. – Знала бы ты, сколько терзался!

– Я такая страшная? – кокетливо расстроилась Тина.

– Ах, ну при чем здесь это?.. Нет, конечно. Просто, знаешь, незнакомой девушке как-то неловко навязываться. Я бы тебя с удовольствием куда-нибудь пригласил вечером, – Брайан посмотрел на часы, – сейчас-то мне идти надо, но тут так не принято. Пока нас официально не представили друг другу – сама понимаешь. Тебя не отпустит мистер Кларк, а мне матушка закатит лекцию о том, как положено себя вести с дочерьми старых знакомых.

– Эндрю – не мой отец, – почему-то вырвалось у Тины.

Брайан погрузился:

– Да, я знаю. Прости.

– Ничего. – Тина улыбнулась. – Тем более, что мою репутацию он охраняет не хуже родного папаши.

– Да уж, верю... Ну, что поделать – традиции. Городок старомодный, представления о хороших манерах тысячу лет не менялись... Ладно, пойду. – Брайан поднялся. – Рад был знакомству. С удовольствием продолжу его завтра.

– Я тоже. Ты молодец, что зашел.

С пляжа Тина уходила, напевая. Как же все-таки поднимает настроение мужское внимание! Пусть даже проявленное парнем, которому в любом случае пришлось бы его проявить.

Вечер Тина провела в салоне красоты. Ей обновили маникюр, сделали массаж лица, маску для волос. Выйдя из машины, вернувшаяся Тина увидела Ника: тот стрекотал у бассейна починенной газонокосилкой.

Благоухающая маслами и лосьонами, сверкающая модным педикюром, проходя по дорожке, ведущей к дому, возле Ника Тина специально замедлила шаг. Хотелось, чтобы он упал в обморок от восхищения. Ну, или хотя бы косилку уронил.

Обморока с Ником не случилось. То есть, разглядывал-то он Тину с явным интересом, больше всего внимания уделив ее голым до середины бедра ногам, но восхищенным при этом не выглядел. Прокричал что-то, стараясь переорать работающую косилку.

– Что? – не расслышала Тина.

Попробовала подойти ближе и наступила в лужу. Ногой в изящной открытой туфельке – в ледяную воду. Взвизгнула.

– Говорю же, под ноги смотри. – Ник заглушил косилку. Кивнул на тонкую струйку воды, бьющую из садового шланга: – Не видишь, шланг прохудился.

Раздосадованная Тина, ругаясь про себя последними словами, перешагнула лужу.

Сдался ты мне со своими советами! Больше я к тебе на пушечный выстрел не подойду.

На следующий день Тина прямо с утра начала готовиться к предстоящему вечеру.

Перемерила кучу платьев, туфель и украшений. Несколько раз собирала и распускала волосы. Поколебавшись, все же собрала их в сложный узел из нескольких косичек и прядей – с распущенными волосами Брайан ее уже видел, а такая прическа выгодно подчеркивала шею.

В выборе платьев остановилась на новом, купленном только этой весной – его светло-сиреневый шифоновый верх оттеняла тончайшая шелковая подкладка. Платье легким корсетом облегало торс, оставляя открытыми руки. Скромный вырез спереди выгодно подчеркивал линию ключиц и плеч. Зато разрез на спине, начинаясь у горловины, спускался до самой талии, открывая ложбинку позвоночника в обрамлении кружевной вставки в тон

пифону. Дальше платье струилось многослойной юбкой – спереди чуть ниже колена, сзади оно удлинялось, ниспадая напоподобие шлейфа.

– Вы такая красавица, барышня. – Роберта стояла в дверях, любуясь «молодой хозяйкой». – Только вот на спине сильно вырезано, ажно лифчик видать.

– Лифчик шел в комплекте, – не моргнув глазом соврала Тина. – Видишь, он того же тона, и кружева такие же? Это так надо, чтобы было видно.

Роберта неодобрительно покачала головой, но, судя по всему, пришла к выводу, что барышне лучше знать.

– Мария утром на рынке Микаэля видала, – таинственным шепотом сообщила она. – Он у Боровски шофером служит, за продуктами приехал. Молодой хозяин, говорит, от вас без ума.

– Глупости какие, – фыркнула Тина. – Подумаешь, поболтали пять минут. – Ей было очень приятно.

– Мужчине иной раз и одного взгляда хватит, чтобы голову потерять, – наставительно заметила Роберта, – на то они и мужчины. А вот женщины – другое дело. Женщинам думать надо.

– Не волнуйся, Роберта. – Тина подошла к служанке, погладила по смуглой руке – полной, толщиной в ее, Тинину, лодыжку. – Я не Маргарита. Я умею думать.

Роберту нанимали еще родители Маргариты. В «Шиповнике» прошла вся жизнь горничной: неудачное замужество – супруг оказался пьяницей, «старый хозяин» его выгнал; нянчание первой «маленькой мисс» – Маргариты; похороны, одного за другим, ее родителей – сэр Джозеф скончался от инсульта, леди Барбара пережила его всего на полгода; а потом рождение Тины и порхания вокруг нее – в те редкие дни, когда Маргарита вспоминала о «Шиповнике» и удосуживалась там показаться. Тина знала, что Маргариту Роберта обожала, а «чужака» Эндрю недолюбливала. «Это потому, что я запретил ей сушить абрикосы на парадном крыльце», – шутил Эндрю.

– Не беспокойся за меня, Роберта.

– Ох, барышня, ваши бы слова да богу в уши. – Горничная покачала головой. – Леди Маргарита, тоже – всегда лучше всех всё знала. – Она вздохнула. – Спускайтесь потихоньку, скоро уж гости появятся.

– Да-да, иду.

К платью Тина надела изящный золотой кулон с александритом и серьги из того же гарнитура, подаренного Эндрю на шестнадцатилетие. Сиреневые туфли и клатч бледного золота завершили ансамбль.

Тина еще раз крутанулась перед зеркалом, побрызгалась духами, и, сложив губы в самую любезную из своих улыбок, порепетировала:

– Добрый вечер! Рада вас видеть.

Встреча гостей и ужин определенно удалась. По лицу Эндрю было видно, как он доволен. Тину весь вечер донимала расспросами мать Брайана, леди София. Ее интересовало все: в какой школе училась Тина до поступления в колледж, сколько лет занималась гимнастикой, умеет ли она водить машину, какие музеи и выставки посещала в Неаполе и куда ездила на рождественские каникулы.

Брайан время от времени делал попытки прервать допрос, но леди София была не из тех, кого легко сбить с намеченного пути. Тина, незаметно от нее, улыбалась Брайану: все в порядке, пусть спрашивает. Она понимала истинную цель расспросов и пыталась дать понять, что правила игры приняла. Брайан, тем не менее, все больше нервничал.

– Мама, ну ты совсем замучила Тину, – вздохнул он, когда подали десерт.

– Что ты, все в порядке, – поспешила заверить Тина, – мы с леди Софией чудесно беседуем.

– Мисс Тина – приятная собеседница, – подтвердила леди София, поправляя ожерелье на шее – так, чтобы бриллиантовая подвеска-капелька лежала ровно посередине.

– Мисс Тина – весьма снисходительная собеседница, я бы сказал, – вмешался мистер Боровски.

Мать Брайана носила звание «леди» по праву рождения, получив его от аристократических предков. А отец Брайана, мистер Боровски, попросту был богат. Уже тогда, когда тридцать лет назад посватался к леди Софии, был неприлично богатым, по здешним меркам, человеком. Почему, собственно, насплетничал Тине Эндрю, неравный – по мнению родителей леди Софии – брак и сумел состояться.

Брайана воспитывали в лучших традициях местной аристократии, мистер же Боровски почитал правила этикета «блажью», ни на йоту не изменяя себе в привычке говорить то, что думает, тогда, когда ему вздумается.

– Пожалейте бедное дитя! У нее, небось, от жужжания моей прекрасной супруги уже в висках ломит. – Мистер Боровски подмигнул Тине и рассмеялся.

– Я вовсе не... – запротестовала было Тина, но Брайан предостерегающе поднял руку:

– Прости, перебью. Я как раз хотел спросить у мистера Кларка разрешения ненадолго покинуть общество, и предложить Тине составить мне компанию.

– Вот это правильно! – одобрил мистер Боровски. – Под луной с барышней гулять – поди, интереснее, чем со старыми дураками штаны просиживать. – Он снова захохотал, явно приглашая Эндрю присоединиться.

Эндрю вежливо улыбнулся.

– Что ж, я не возражаю. Уверен, что вашему сыну можно доверить юную леди.

– Нужно, – поднимаясь, заверил Брайан. Доверительно поделился с отцом: – У Джеффа Малкольма сегодня вечеринка.

– Джефф – хороший парень, – кивнул мистер Боровски.

Леди София поджала губы и покачала головой, но, к счастью, возражать не стала.

– Только, прошу тебя, недолго.

– Разумеется, – хитро улыбнулся Брайан, – даже заскучать не успеете! Идем?

– Конечно. – Тина с готовностью встала. – Я не прощаюсь. Приятного вечера.

Она с трудом нашла в себе силы не вылететь из гостиной пулей.

– А что за вечеринка? – накинулась на Брайана, едва перешагнув порог. – Мне, наверное, переодеться надо?

– Э-э... не знаю. Надо, наверное... Впрочем, как хочешь. Видишь ли... – Брайан огляделся. Они с Тиной стояли в холле. Он понизил голос: – Здесь никто не подслушает?

– Лучше выйти, – тоже понизив голос, недоуменно отозвалась Тина. Вывела Брайана на террасу. – Что случилось?

– Видишь ли... – он мялся. – Не хотел говорить, но так получилось, что именно сегодня... Я клянусь, что такое больше не повторится!

– Да в чем дело, блин? – не сдержавшись, выпала из образа Тина. – Что происходит?

– У меня сегодня игра.

– Что-о?

– Онлайн игра, – сбивчиво объяснил Брайан, – финал. Такое раз в год бывает, понимаешь? Я никак не могу пропустить.

– Ты... э-э... геймер? – вспомнила правильное слово Тина.

Брайан скривился:

– Ох, и ты туда же! Ну, почему обязательно нужно ярлыки навешивать? Просто играю.

– Ясно. – Тина начала догадываться, что на самом деле означало внезапное желание Брайана посетить «вечеринку». И для чего он начал подлизываться к ней еще вчера. – И ты хочешь сказать, что там, у этого Малкольма...

– Что там сегодня обойдутся без меня, – закончил Брайан. – Джефф и не ждет, на самом деле. Знает, что меня предки к вам потащили.

– Так, подожди... – Тина все еще не понимала. – Если он тебя не ждет...

– Я и не пойду. – Брайан просительно улыбнулся. – Все, что мне нужно, это два часа свободного времени. Ну, три – не больше. И сразу же вернусь, обещаю.

– То есть... ты уходишь, а мне предлагаешь остаться? – сообразила наконец Тина.

– Н-ну... Тебе ведь не обязательно возвращаться в гостиную? Ты можешь пойти к себе, например. Или... не знаю. Погулять где-нибудь.

– Ну да, и напороться на кого-то, кто немедленно сообщит Эндрю, что я разгуливаю по ночам! Вот уж спасибо.

– Тина. Прошу тебя. – Брайан попытался взять ее за руку, Тина сердито вырвалась. – Такси уже приехало. Пожалуйста, сядь в машину вместе со мной – чтобы слуги видели, как мы уезжаем, а сразу за виллой миссис Остин ты выйдешь и вернешься...

– Чтобы пройти мимо слуг, ага.

– Ох, умоляю тебя! Есть ведь выход на пляж.

– Предлагаешь ковылять по песку в туфлях?

– Переобуйся, это недолго. Тина! Пожалуйста. Три часа – а потом проси, чего хочешь.

– То есть, ты меня покупаешь?

– Почему тебя? Твое молчание.

– Хорошо. – Тина прищурилась. – Мое молчание стоит пятьсот евро.

– Идет. – Брайан едва не подпрыгнул от радости.

Продешевила, – поняла Тина и мысленно выругалась.

– Ну, что? Идешь переодеваться?

– Да. Жди здесь. – Тина, стараясь не показать, как расстроена, спустилась с крыльца.

Удивленный таксист высадил Тину за виллой миссис Остин.

– Спасибо! – Брайан прижал руки к сердцу. – Ты настоящий друг! – и повернулся к водителю: – Гони.

Такси, взревев мотором, умчалось. А Тина постаралась не разреветься от обиды. Так ее не кидал еще ни один парень. Ее вообще парни до сих пор не кидали.

«Пятьсот евро, – напомнила себе Тина. – А можно было сказать семьсот. Или даже тысячу. И он бы заплатил... И почему я такая дура?!» Она ударила кулаком по садовой ограде миссис Остин. Вспомнила о задней калитке в ограде «Шиповника» и сообразила, что на пляж спускаться вовсе не обязательно. Дважды дура, выругала себя, могла бы не переодеваться. Хотя, конечно, тащиться в вечернем платье, на высоких каблуках через заросший сад – то еще удовольствие, в джинсах и майке всяк сподручнее.

Обойдя ограду, Тина потянула на себя калитку – уф-ф, не заперта. Протиснувшись в узкий проем между калиткой и забором – нижний край калитки скреб по земле, она едва открывалась. Тина с усмешкой подумала, что любовнице Ника ни в коем случае нельзя поправляться.

Подсвечивая себе телефоном, двинулась по тропинке, едва заметной в темных зарослях. Тихо зашипела от боли, угодив босой ногой в крапиву. Ох, попадись ей завтра этот Ник! Она его заставит все сорняки в саду выкосить. Каждую травинку.

– Ну, где ты там? – вдруг негромко окликнули из темноты. – Посветить?

Тина вздрогнула и остановилась. Вставшего с качелей, включившего фонарик Ника она в темноте не заметила.

Ник, судя по всему, понял, что перед ним не тот, кого он ждал, тоже только сейчас. Недовольно буркнул:

– Ты что тут забыла?

– Гуляю, – огрызнулась Тина. И перешла в наступление: – А ты?

– Я жду, пока гости уйдут, чтобы в доме прибраться.

– А почему здесь?

– А почему нет? – Ник зачем-то переступил на месте, смещаясь в сторону. – Тут вроде нигде не написано, что сидеть нельзя.

– Можно, – прищурилась Тина. – И сидеть можно, и много чего еще делать можно. Можно даже не одному.

Ник ухмыльнулся. Насмешливо прищурился:

– Завидно?

– Дурак, – вспыхнула Тина. И собралась идти дальше – теперь уже уверенная, что Ник ее не сдаст. Не идиот же он, понял, что она знает о той девушке. Замужней, судя по всему.

Но, сделав несколько шагов, Тина разглядела предмет, который Ник пытался загородить собой. У его ног стоял ящик, в ячейках которого серебрились горлышки бутылок. Во-от оно что...

– Шампанское, я так понимаю, из хозяйских погребов? – Тина присела на корточки рядом с ящиком. – А мамаша твоя в доле, или как?

– Или как. – Ник угрожающе навис над Тиной. – Это мое! Утром купил. Имею право?

– Да имеешь, конечно. – Тина вытащила из ячейки бутылку, посмотрела на этикетку. –

Ого, Моэт! А ты, смотря, не хило зарабатываешь.

– На бухло хватает. – Ник выдернул из ящика еще одну бутылку, протянул Тине. – Вот. Забирай и вали. Я тебя не видел, ты меня не видела. О'кей?

Тина медленно, с удовольствием покачала головой:

– Не-а. Не о'кей. – Вернула бутылку обратно в ячейку и поднялась. Распорядилась, указывая на ящик: – Ты отнесешь это ко мне в дом. Сейчас.

– Сейчас нельзя. Там Роберта, на террасе.

Тина мстительно мотнула головой:

– Не мои проблемы. Неси!

От удовольствия полюбоваться на взбешенное лицо Ника ей пришлось отказаться, ради удовольствия красиво уйти. Тина представляла, с какой яростью Ник смотрит вслед и наслаждалась. Главное, снова в крапиву не наступить.

– Да чтоб тебя!.. – Тина припомнила все известные ей ругательства.

Тугая пробка сначала долго не поддавалась, а потом бутылка с шампанским вспенилась так, что едва не выпрыгнула из рук.

Тина облила и футболку, и джинсы, и пол вокруг себя в радиусе пары метров. Никогда не думала, что из одной бутылки может хлынуть столько пены. Да, честно говоря, ей никогда раньше и не приходилось самой открывать шампанское. У знакомых парней на вечеринках это получалось легко и непринужденно, Тина была уверена, что запросто управится. И – на тебе.

Она оглядела залитый пол. Зачем-то подергала за подол футболку. Нда... И не позвать никого – ее ведь здесь, по официальной версии, нет. И, даже если б была – попробуй объясни Роберте, для чего приличной барышне понадобилось в одиночку открывать шампанское? Отчиму Роберта, может, и не расскажет, но изведет причитаниями о «непутевой» матери так, что лучше бы рассказала.

Ох, блин... Ладно. Тина, подумав, сняла залитые шампанским босоножки. Перешагнула лужу, направляясь в ванную.

Там ее ждал еще один сюрприз: тряпки в шкафчике под умывальным столиком – у себя в капмусе Тина хранила чистящие принадлежности там – не обнаружилось. В туалете тоже. В крохотной кладовке скучали пылесос и гладильная доска.

Ни клочка материи и ни единой бутылки с чистящим средством! Даже бумажных полотенец не нашлось – Роберта, по-видимому, все необходимое приносила с собой.

Тина, вздохнув и снова выругавшись, сняла с вешалки полотенце. Мягкое, белоснежное, с вышивкой шелковыми нитками, девяносто евро комплект – она видела такие в салоне, где продавали белье.

Намочила полотенце под краном. Вернувшись в комнату, горестно нацелилась на край лужи. И вздрогнула – в балконную дверь постучали.

На террасе стоял Ник. Не впустить его было нельзя, вдруг кто-нибудь увидит.

Тина с ругательствами открыла раздвижную дверь. Прошипела:

– Чего тебе?

– Ты совсем дура? – вместо ответа осведомился Ник. И, быстро войдя, опустил жалюзи, на балконной двери и на окнах.

Тина вспыхнула. Получалось, что совсем. Так наслаждалась своей победой, что в голову не пришло: снаружи отлично видно все, происходящее в освещенной комнате.

– Хорошо хоть, никто тут сейчас не шляется, – закончив с жалюзи, проворчал Ник. – Жених-то где?

– Скоро вернется... Не твое дело! – опомнилась Тина.

– Ну, не мое так не мое, – неожиданно миролюбиво согласился он. Окинул помещение взглядом, оценивая учиненный Тиной разгром: – Я смотрю, так себе из тебя пьяница.

– Зачем ты пришел? – сквозь зубы прошипела Тина.

– Хозяйское добро пожалел. – Ник кивнул на полотенце в Тининой руке. – И тебя, балбеску. Что ты завтра Роберте рассказывать будешь? Отчего полотенце грязное, почему шмотки вином воняют?

Тина опустила голову. О том, что делать с залитыми шампанским вещами, она пока не думала.

– Дура, – категорично подвел итог Ник. – Ладно. Сиди тихо, я быстро.

Он выключил в комнате свет, оставив только ночник, и исчез в темноте за балконом. Вернулся минут пять спустя, с пластиковым ведром в руках.

– Ты полы-то мыть умеешь?

– Справлюсь. Давай. – Тина потянулась за ведром и тряпкой.

– Э, нет. – Ник отодвинул ведро. – Ты еще не поняла, крошка? Я на халяву даже не кашляю.

Тина вздохнула.

– Сколько?

– Нисколько. – Ник странно смотрел на нее. На облепившую фигуру мокрую футболку – Тина не успела переодеться. – Тебе бы помыться...

– При тебе, что ли? – фыркнула Тина.

– Как догадалась? – Ник с прищуром смотрел на нее. – А я за это прибраться помогу. И шмотки в прачечной закопаю так, что Роберта не заметит.

– Пошел вон, – с едва сдерживаемой яростью приказала Тина.

– О'кей, – кивнул Ник. – Пошел.

И действительно пошел к балконной двери. Демонстративно покачивая ведром.

– Стой. – Тина почувствовала, что ее накрывает бесшабашной злостью.

На Ника, на Брайана, на сушеную мамашу Брайана и его самовлюбленного отца, на Эндрю, который затеял этот идиотский званый вечер – на всех.

– Поклянись, что ко мне не притронешься.

Ник остановился. Обернулся.

Разглядывая Тину с головы ног – она снова ощутила, что футболка мокрая – кивнул.

– Клянусь. Сама не попросишь – не трону.

– Не дожدهшься.

Тина отпила шампанского. Прямо из бутылки, там оставалась примерно половина. Поставила бутылку на пол. И, глядя на Ника, принялась раздеваться.

Тина стянула через голову футболку, стащила с себя джинсы. Оставшись в одном белье, прошагала в ванную.

Казалось почему-то, что у Ника не хватит духу следовать за ней, но нет. Он молча подобрал с пола бутылку. И, прислонившись к косяку ванной, отхлебнул.

Выжидающе уставился на Тину. А она только сейчас разглядела, что глаза у него, оказывается, вовсе не черные, а темно-серые. И взгляд... Тина почему-то подумала, что в средневековые людей с таким взглядом должны были сжигать на костре.

Она завела руки за спину, расстегнула лифчик. Неторопливо стянула узкие трусики.

Ник смотрел на нее. Не смущался и глаз не отводил.

Смущаться в пору было Тине, она впервые раздевалась перед парнем. Но смущения почему-то не было. Только злость на Ника, и гордое: «ну, я тебе устрою!» Хотя, что именно устроит, пока еще сама не понимала.

Тина включила воду и залезла под душ. Долго, неторопливо размазывала по телу гель. Подставляла воде руки, грудь, бедра...

Ник по-прежнему стоял в дверях. Он не отводил от Тины глаз, но и попыток приблизиться не делал. Хотя, заметила Тина, про бутылку в руке позабыл.

– Насмотрелся? – Тина выключила воду, неторопливо отжала мокрые волосы.

Ник, будто сбрасывая оцепенение, пожал плечами:

– В расчете.

– Что? – не поняла Тина.

– Ну, сперва ты на меня пялилась, как с Ванессой обжимался, а теперь я на тебя. Вот и говорю – всё. Квиты.

– Я вовсе не собиралась смотреть!

– Угу. Поэтому глазки зажмурила и мимо прошла.

Ник снял с вешалки полотенце. Раскрыв перед собой, протянул Тине:

– Прошу, сеньорита.

– Да пошел ты.

Тина сердито выдернула полотенце. Завернулась и гордо прошагала в комнату.

Одевалась она за дверцей старомодного платяного шкафа – домик обставляли мебелью еще при «старой хозяйке», леди Барбаре. Ник держал слово: Тина слышала, как из крана льется вода. Потом она долго сушила волосы.

Закрыв шкаф, увидела, как Ник отжимает тряпку над ведром. Пол был уже протерт, а ее одежда сложена в матерчатый мешок с логотипом прачечной.

«Спасибо», – чуть не брякнула Тина. Вовремя спохватилась. Уселась в кресло возле сервировочного столика, положила ногу на ногу.

– Прямо, девочка-припевочка, – разглядывая ее простое домашнее платье, заметил Ник. – Будущая свекровь рыдала бы от счастья... Во сколько твой геймер-то нарисуетя?

Тина вздрогнула. Начала:

– Откуда ты... – и осеклась.

– Знаю, что геймер?.. Тоже мне, секрет. Городок маленький. На одном конце чихнут, на другом – «будьте здоровы». Тут все про всех знают. А сегодня – финал игры, я в сети

проверил. Два и два сложить нетрудно.

– И Эндрю... мистер Кларк знает?

– Наверное. Да подумаешь, чего такого-то? Ну, играет парень. Не ширяется же.

Тина хотела ответить злобно-ехидно. Она даже рот открыла. Но вместо того, чтобы заговорить, почему-то расплакалась.

– Ы-ы-ы... – Сама услышала, насколько по-детски это прозвучало, и разревелась еще горше: – Ы-ы-ы!

– Вот тебе здарсьте, – обескураженно пробормотал Ник. Такого эффекта явно не ожидал.

Тина с упоением редела, Ник растерянно топтался рядом. А Тине стало плевать уже на все. И на то, что он рядом, и на то, как она выглядит.

– Козлы! – отрывая от ладоней зареванное лицо, объявила она. – Все – козлы!

– Есть такое, – подумав, серьезно согласился Ник.

Выдернул из ящика новую бутылку шампанского. Открыл – у него, в отличие от Тины, получилось это сделать, не разлив ни капли. Достал из шкафчика над мини-баром бокал, наполнил шампанским. Протянул Тине:

– На.

Она, подумав, взяла. Отпила – без удовольствия, как лекарство.

– Э, не. – Ник покачал головой. – Так шампанское не пьют. Подожди.

Он достал еще один бокал. Налил. Поднес к Тининому:

– За вашу красоту, сеньорита.

Тина шмыгнула носом:

– Опять издеваешься?

– Нет. – Ник серьезно смотрел на нее. – Ты правда красивая. Почти как леди Маргарита, я в нее в детстве по уши был влюблен.

Тина улыбнулась сквозь слезы:

– Правда?

– Ага. Лет, этак, в шесть. Они с матерью – ровесницы, да только леди Маргариту возраст не брал, с годами только краше становилась. Это ведь леди Маргарита мамку в прислуги взяла, когда еще старые хозяева были живы.

– Надо же, – удивилась Тина. Мария казалась ей неотделимой от «Шиповника». – А где же они познакомились?

– В Стамбуле, мать на рынке приправами торговала. Только-только тогда из России уехала, специально замуж вышла за турка. Мне два года было. А оставить не с кем, так мамка с собой таскала, на рынок. А леди Маргарита поглядела – хороший, говорит, у тебя малыш – про меня. Мне, говорит, тоже скоро рожать – это, как раз ты должна была родиться. Ну, и привезла нас обоих в «Шиповник». Сэр Роджер поначалу – ух, ругался! Это потом уже мать полюбил, когда она готовить начала.

Тина улыбнулась.

– Я помню, Маргарита рассказывала. Как Мария пекла пироги, и от нее прятала. Потому что, говорила, нельзя беременной столько есть, а то в дверь не пролезет. – Она шмыгнула носом. Вытерла остатки слез.

– Леди Маргарита была хорошая, – твердо сказал Ник, – добрая.

– Дура она была.

– И никакая не дура. – Ник разглядывал Тину. – Слушай. А почему «Тина»? Как твое

полное имя?

– Роуз Вэлентайн. Вэ-лен-ти, – по слогам произнесла Тина. – Маргарита говорила: «Ти».

– А моя про тебя говорит «Valya», – улыбнулся Ник. – Это ведь она тебе имя придумала, знаешь?

– Первый раз слышу. Правда?

– Ага. Деда моего звали Valentin, мать – Maria Valentinovna. Это по-русски так. И вот, когда леди Маргарита книжку листала – про имена, специально купила – мать и брякнула, мол, назовите Валентиной. Когда имя – и мужское и женское одновременно, дети счастливыми получают.

Тина грустно улыбнулась:

– Что-то не похоже, что это работает.

– Да ладно. Чем тебе плохо-то? Миллионера, вон, привели знакомиться. Замуж выйдешь – горя знать не будешь.

Тина прищурилась:

– А тебе завидно, что ли?

– Еще как. Что такая красота мудаку достанется, которому ничего, кроме игрушек, на хрен не сдалось. Он тебя приласкать-то не сумеет как следует.

Ник поднялся. Тина застыла в кресле. Не шевельнулась, когда он подошел и встал рядом, глядя на нее сверху вниз.

Ник провел ладонью по распущенным волосам Тины. По затылку, шее. Наклонился и поцеловал ее в губы. Не требовательно, как вчера – нежно, бережно, едва касаясь. Взял Тину за руки, поднимая с кресла. Обнял ее и снова поцеловал.

И снова это было удивительно приятно – чувствовать его объятия, тепло его тела, губы на своих губах. Тину все это почему-то совсем не возмущало. Все было как-то... правильно. Так, будто по-другому и быть не могло.

– Ты ведь раньше ни с кем по-настоящему не целовалась, – чуть отодвигаясь от Тины, сказал Ник. Он не спрашивал, утверждал.

– Сто раз! С чего ты взял?

– Врешь. Я еще вчера понял. Сперва-то решил, что у тебя куча парней была – уж больно лихо хвостом вертишь, а потом сообразил. Для жениха бережешься? Или просто дразнить нравится?

– Отстань. – Тина попыталась вырваться. – Тебе-то какое дело?

– Да так. Природная любознательность... Ч-черт. – Это у Ника зазвонил телефон. Чтобы выудить его из кармана, пришлось отпустить Тину. – Алло.

На том конце говорили громко, девичий голос долетал даже до Тины.

– Нет, малыш, – изображая сожаление, отбрехивался Ник, – пока никак не могу. Молодой Боровски нашу барышню подхватил и свалил куда-то, а старики сидят. Теперь уж, ясное дело, до упора будут сидеть, пока те не нарисуются. Не знаю, во сколько освобожусь. Разве что совсем ночью, если раньше не срубят... Ага, и я тебя.

Он положил трубку и как ни в чем не бывало снова потянулся к Тине.

– Офигеть, ты нахал! – отпрыгивая, возмутилась она. – Одной наобещал, что придешь – и тут же к другой лезешь! Ничего не треснет?

Ник знакомо ухмыльнулся:

– До сих пор не трескалось. – И вдруг, без всякого перехода, предложил: – Хочешь, на мотоцикле покатаю?

Тина фыркнула.

– Надеешься, что во мне луна и звезды романтику разбудят?

– Ну да. С другими срабатывало.

– Со мной не срабатывает, не надейся.

– Не поедешь, то есть?

Тина прищурилась.

– Поеду. Вот, специально чтобы тебя обломать! А еще мне интересно – как ты с территории выходить собираешься и мотоцикл выкатывать?

Ник ухмыльнулся.

– Пошли, покажу. Только, как на террасу выйдешь, у стены держись. Там тень от винограда, снаружи не видать.

На террасе он, скользнув вдоль стены, уселся на боковые перила. Перемахнул их, замерев с внешней стороны. Скомандовал Тине:

– Прыгай за мной, – и исчез.

Тина подошла к перилам. Разглядела в темноте тропинку, проложенную вдоль густых зарослей барбариса. Что-то подсказывало, что приведет тропинка к дровяному сараю. И что подобных ходов – таких, о которых прочие обитатели виллы не догадываются – здесь немало. Настоящим хозяином «Шиповника» являлся, похоже, вовсе не Эндрю.

– Спрыгнешь? – Ник смотрел на Тину снизу вверх. – Или ловить?

Она прикинула высоту – метра полтора от силы. Насмешливо посоветовала:

– Эту свою лови... у которой свекровь крепко спит, – и спрыгнула.

Дровяной сарай возник из темноты неожиданно, как будто вырос. К сараю Тина и Ник подошли крадучись, сзади – входная дверь из окон «большого дома» отлично просматривалась. А в задней стене дверей не наблюдалось.

Тина подумала, что сейчас ей, вероятнее всего, придется ждать здесь – пока Ник каким-то образом незаметно выкатит мотоцикл, – но парень снова ее удивил. Он повис на нижней ветке дерева, росшего рядом с сараем, подтянулся, выталкивая себя наверх, и встал на ветку ногами. Забрался на следующую.

Раскидистая крона дерева почти касалась чердачного окна под крышей. Неужели прямо с ветки туда запрыгнет? Но все оказалось проще – Ник перебросил на подоконник извлеченную откуда-то толстую доску. Должно быть, специально прятал среди густых ветвей. Качнул доску ногой, проверяя, устойчиво ли легла, и в два шага перебежал на подоконник.

Тине ужасно хотелось крикнуть: «Мотоцикл на веревке будешь спускать?» – но она благоразумно промолчала.

Следующий ее поступок был совсем не благоразумным. Но очень уж захотелось увидеть обалдевшее лицо Ника.

Забраться на дерево, с ее-то гимнастическими навыками – тьфу. Перебежать по доске – детская забава.

Тина пролезла в открытое окно и спрыгнула с подоконника в... в комнату, наверное. Судя по тому, что на полу тут лежал матрас с одеялом и подушками, а рядом пристроились две большие картонные коробки, со свисающим из одной рукавом рубашки, чердак был обитаем.

– Ты, что... тут живешь? – выпалила Тина.

– Охренела? – одновременно с ней рявкнул Ник. Он стоял на коленях, роясь в одной из коробок. Увидев Тину, подпрыгнул от неожиданности. – А если бы упала?!

– Пришлось бы «скорую» вызывать, – горестно вздохнула Тина. – И спалили бы твой контрабандный склад. – Она оглядела коробки. Готова была спорить на что угодно, что внутри не только одежда. – Думал, что самый умный, да? Что никому сюда, кроме тебя, не забраться?

– Забраться можно по-человечески, – мрачно огрызнулся Ник. – Изнутри, по лестнице, если так уж приспичит. И не фиг было дурака валять! Один раз тебе повезло, а в другой шею свернешь.

– За свою беспокойся, – рассердилась Тина. – Как вы все достали, воспитывать! Смотри. Она вскочила на подоконник.

– Стой! – Ник рванул за ней.

Попробовал поймать, но поздно – Тина спрыгнула на доску.

Аккуратными шажками прошла до середины. Замерла на секунду, и встала на руки. Жаль, лица Ника не видела в темноте.

Прошла на руках до самого подоконника. Грациозно опустилась на ноги и нырнула обратно в комнату.

– Bravo. – Ник насмешливо поаплодировал, он успел взять себя в руки. – В цирке

выступить не пробовала?

– В цирке гимнастов полно, – парировала Тина, – там клоунов не хватает. Может, сам пойдешь?

Ник неожиданно рассмеялся.

– Уела, – признал он. – Seriously, кстати: парни из шоу в цирковых программах часто подрабатывают. Мне всего пару трюков докатать осталось – и тоже, сказали, возьмут.

– Вот-вот, – кивнула Тина. – Как самому на байке с трамплинов летать, так ничего, можно. А как мне по доске пробежаться, так сразу «охренела».

– Ладно тебе. – Ник потрепал ее по плечу. – Это я от неожиданности. Ну и разозлился малость, что ты в мою берлогу залезла... Не протрепись, ага?

Тина обвела глазами помещение.

– А почему ты здесь живешь? Я думала, там же где Мария... Неужели там настолько неуютно, что лучше на чердаке?

Слуги жили в левом крыле «большого» дома.

– Нормально там. Просто здесь свободней.

– А, – сообразила Тина. – Мария не слышит, как ты девок водишь?

– Дались тебе мои девки! Хуже матери, ей-богу... На вот лучше, примерь. – Ник вытащил из коробки то, что искал – мотоциклетный шлем.

Протянул Тине. Она надела.

– Великоват...

– Там сзади рычажок. – Ник положил Тинину руку на упомянутый рычажок. – Подкрути по себе.

Она попробовала.

– Все равно болтается.

– Ну, другого нет. Извиняй... Пошли?

– Так ты за шлемом сюда приходил? – сообразила Тина. – А мотоцикл где?

– Сейчас, из-под матраса выкачу, – фыркнул Ник. Кивнул на окно. – Вылезай, циркачка. Будет тебе мотоцикл.

Все оказалось до смешного просто: мотоцикл Ник прятал в глубине сада. Выкатил его на дорогу через знакомую калитку.

Хлопнул по сиденью позади себя:

– Прошу, сеньорита.

– Благодарю.

Тина неловко села. Ник обернулся.

– Там можно за ручки держаться, – он кивком показал, – но лучше за меня. За меня – надежнее. Особенно, если прижмешься покрепче.

Тина горделиво фыркнула, всем своим видом показывая, что Ник – последний на земле человек, к которому она готова прижиматься, и ухватилась за ручки. Однако, после того как мотоцикл в очередной раз подпрыгнул на лежащем полицейском, передумала. Держаться за Ника и впрямь оказалось сподручнее.

Из городка они выехали быстро. Тина думала, что направятся вдоль берега, к соседнему городу, но Ник свернул на узкую горную дорогу.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/37s>